

Дикувинные загадки Отеля

ЗИМНИЙ ДОМ

БЕН ГУТЕРСОН

иллюстрации

ХЛОИ БРИСТОЛЬ

«В самом раннем романе Бруно Гестена, «Уловки Флиндерса», упоминаются выдуманные цитаты персонажей несуществующих книг, затея одновременно пустая и блистательная».

Из *«Марбеллы Неувядаемой»*
Пьера Менара

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ОПАСНОСТИ ТОГО, ЧТО БУРЯ
ПРИНЕСЁТ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТРАННАЯ НАХОДКА В СНЕГУ. ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА ПО ВОСТОЧНОМУ ПРЕДЕЛУ

Одной морозной мартовской субботой Элизабет Летин каталась на лыжах в одиночестве, когда заметила клочок пурпурной ткани, привязанный к ветви ольхи чуть дальше по лыжне. Она уже собиралась вернуться в «Зимний дом» — не только потому, что Норбридж, её дедушка, просил её не задерживаться дольше чем на два часа, но и потому, что небо начинали затягивать облака, а Элизабет ещё даже не притрагивалась к домашнему заданию на выходные. Однако ткань привлекла её внимание, и девочка замедлила бег. Это оказался красный платок — единственная вспышка цвета посреди бескрайней белизны, через которую вилась лыжня, — прилаженный к суку дерева.

Элизабет остановилась и принялась разглядывать ткань — потрёпанную и явно провисевшую здесь уже

некоторое время. Она потянула за неё облачённой в перчатку рукой — узел не поддавался. Из рта вырывались облачка пара, лоб холодил пот; девочка раздумывала, что раньше никогда не забиралась так далеко, катаясь на лыжах. Она повернулась оглядеть покрытую снегом долину, посреди которой очутилась. Жилья нигде не было видно — только седые ольхи да ели, а далеко-далеко на востоке — вздымающиеся к сереющим небесам горы. Кругом стояла тишина.

«Кто мог привязать платок здесь, в этой глуши?» — подумала Элизабет.

Она огляделась ещё раз, а потом присмотрелась к припорошенной снегом земле. Впереди виднелась цепочка следов, ведущая от ольхи к некрутому спуску за ледяным изгибом ручья ярдах в ста к северу.

Элизабет овладело *ощущение*, её уже привычная интуиция — трепет в животе и гудение в голове, — подсказывающая, что среди этой заснеженной пустоши её что-то поджидает: внезапное открытие, происшествие, которое вот-вот случится, а может, даже какой-то человек.

— Эй? — крикнула Элизабет, не сводя глаз с покатого холма. — Здесь кто-нибудь есть?

Ответа не последовало; в верхушках деревьев мимолётно вздохнул ветер, а потом снова воцарилась тишина.

— Это не может меня напугать, — прошептала Элизабет себе под нос.

Она поглубже натянула шапку и снова оглядела лыжню, а потом отстегнула лыжи и зашагала по едва заметным следам.

Сразу после замёрзшего ручья следы поднимались по громадному земляному валу, покрытому снегом, высотой достигающему верхушек ольх. Элизабет влезла вверх на пару футов и остановилась: перед ней раскинулся обширный, лишённый деревьев круг — такой огромный, что даже если бы каток у «Зимнего дома» увеличили в десять раз, он всё равно бы прекрасно поместился внутри. Всё пространство круга усеивали заснеженные валуны. Девочка глядела на нечто, представляющее собой равнину размером с приличный пруд, усыпанную гигантскими камнями и окружённую земляным валом, на котором она сейчас и стояла.

«Что это за место?» — подумала Элизабет.

Следы вели вниз к маленькому свободному от валунов участку, и девочка отправилась по ним. Спустившись, она заметила металлический столб

с ветхой бежевой табличкой, едва различимой как что-то сделанное человеком среди этих снежных камней. Элизабет протёрла очки от налипшего снега и взгляделась в табличку. Оранжевыми буквами — настолько выцветшими, что разобрать было сложно — на ней было написано следующее:

«Опасно! Горнодобывающая компания риплингтона объявляет эту шахту, серебряный коридор, недействующей! Она была запечатана и более не доступна! Ради общего блага мы завалили вход, но мы не несём ответственности за безопасность физических лиц, продвинувшихся дальше этой точки! Развернитесь! Идти дальше небезопасно!»

Элизабет почувствовала трепет в груди. Она знала, что Серебряный Коридор Риплингтона состоит из сотен проходов — заброшенных больше века назад — и простирается от этого места во все стороны под землёй, образуя лабиринт туннелей под самым «Зимним домом». В одном из таких проходов почти три месяца назад Элизабет одолела Грацеллу Зимость, сестру Норбриджа и колдунью, которая попыталась отнять у неё силу; ещё девочка знала, что хоть Грацелла и повержена, её тело по-прежнему лежит в глубине тёмного подземного коридора. По воле какой-то злой магии её физическая форма сделалась не только каменно-твёрдой, но и недвижимой, и Норбридж — в качестве меры предосторожности — устроил ей гробницу на том самом месте, где она лежала, и запечатал те двери в «Зимнем доме», которые вели в шахты. Элизабет осознала, что единственный вход — или выход — расположен на том самом месте, где она стоит, хоть

и заваленный многотонными камнями. Её пробрала дрожь, и она ещё раз перечитала табличку.

Элизабет собиралась уже развернуться, как вдруг ей показалось, что она почувствовала под ногами слабый гул. Он напоминал отголоски далёкого грома, и девочка не была до конца уверена, что действительно что-то ощутила. Она постояла и подождала, не загрохочет ли под землёй снова, но всё было тихо и недвижно.

Подул ветер, и Элизабет собралась уже уходить, когда заметила на снегу в самом центре ровного круга, среди валунов, тусклый пурпурный мазок. Она быстро потрясла головой и положила руку на куртку над тем местом, где покоился её кулон цвета индиго в серебряной оправе со словом «Вера».

— Это не может меня напугать, — сказала Элизабет.

Снова подул ветер, на этот раз сильнее. Элизабет ещё раз поглядела на табличку. Ветер спустился в чашу запечатанной шахты, струясь между валунами, а девочка развернулась и вскарабкалась вверх по склону на вершину вала. Кинув последний взгляд на лишённый деревьев круг, она увидела, что в самом его центре светится тусклый красноватый огонёк. Но это казалось невероятным, а её страх к этому моменту начинал превращаться в панику, так что, сосредоточившись на том, чтобы не упасть в снег, Элизабет кинулась к своим лыжам. Добежав до них, она опять почувствовала, как земля немного содрогнулась. Элизабет замерла и прислушалась. Небо сделалось ещё темнее.

«Гром, — подумала Элизабет, пристёгивая лыжи к ботинкам, хотя она сомневалась, что пропустила

бы вспышку молнии. — Должно быть, это гром».

В очередной раз поднялся ветер, и красный платок на дереве затрепетал. Элизабет дёрнула за него, ломая тонкую ветвь ольхи, скомкала и швырнула в сугроб. Она встала на лыжню и побежала так быстро, как только могла, прочь отсюда, назад в «Зимний дом», параллельно пытаясь выкинуть из головы назойливую мысль: «Что если Грацелла всё-таки не умерла?»

Под землёй снова зарокотало.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПУТЬ, РАЗДЕЛЁННЫЙ ПОРОВНУ, КУДА ВЕСЕЛЕЕ

Главным, о чём думала Элизабет, когда мчалась прочь от шахты и красного платка, было то, что ей необходимо рассказать обо всём Норбриджу. Она была напугана — и тем, что увидела, и тем, что из-за этого почувствовала. Она жила в «Зимнем доме» с рождественских каникул: проводила приятные дни в новой школе, вечерами пила горячий шоколад и читала, часами бродила по огромной библиотеке отеля, а по выходным каталась на лыжах или коньках или просто прогуливалась по берегу замёрзшего озера Луны — и всё же её продолжало интриговать нечто заманчивое, что олицетворяла Грацелла, но что Элизабет не могла выразить. Мысль об этом беспокоила.

Элизабет размышляла обо всём этом, когда, спустя пятнадцать минут быстрого бега на лыжах под

усилившимся снегопадом, её снова посетило *ощущение*, и она остановилась. Лыжня впереди раздваивалась, и хотя девочка знала, какой путь ведёт в «Зимний дом», она была уверена, что кто-то направляется к ней по тропе, к которой она только что приблизилась. Она сама каталась по ней несколько раз и знала, что если свернёт на неё, то проедет пять миль на юг и окажется в Хевенворте — где была её школа. Элизабет прислушалась, ожидая, не покажется ли кто, и тут из-за поворота примерно в сотне ярдов выкатился на лыжах человек в серебристой куртке и красной шапке и быстро заскользил в её сторону.

— Элизабет, — окликнул лыжник в тот самый миг, когда она его узнала. — Здравствуй!

— Хайрам! — воскликнула Элизабет, и все её страхи и тревогу последнего получаса как рукой сняло, потому что к ней приближался учитель-практикант Хайрам Кроули. Они были знакомы уже десять недель с тех пор, как Элизабет начала учиться в Хевенвортской академии, а Хайрам — вести там английский. И хотя он преподавал только по вторникам и четвергам (в конце концов, он пока только учился быть учителем), Элизабет считала, что из него непременно выйдет превосходный преподаватель. То, что ему был двадцать один год, что он учился в престижном университете Брумы в тридцати милях отсюда, что чёрные волосы у него были аккуратно подстрижены, а книг он прочитал почти столько же, сколько Элизабет (включая одну из её недавних любимых, «Тайну соловьиного леса»), только укрепляло её уверенность. Ещё он был весьма мил — достаточно выросшим, чтобы считаться взрослым, но не настолько старым, чтобы совсем позабыть, каково это — быть

ребёнком, даже двенадцати с тремя четвертями лет, как Элизабет.

— Ого, — сказал Хайрам, подкатываясь поближе. — Видимо, все классные люди катаются сегодня на лыжах.

Элизабет рассмеялась.

— Вы из города едете? — спросила она, когда Хайрам притормозил с ней рядом, тяжело дыша. Снег валил уже крупными хлопьями, а ветер задувал всё сильнее. Элизабет сталкивалась с Хайрамом на лыжне возле «Зимнего дома» уже по меньшей мере подюжины раз и знала, как он любит лыжи.

— Да, — сказал он с горящими глазами. — Очень приятно встретиться здесь с тобой. — Он посмотрел на лыжню за её спиной. — Ты уже возвращаешься? — Элизабет кивнула, но не успела она ничего сказать, как Хайрам продолжил: — Держу пари, торопишься дописать задание по биологии для мистера Кармински к понедельнику.

Элизабет снова засмеялась.

— Я с ним расправляюсь. — Она протёрла очки перчаткой.

— Я еду в «Зимний дом» на встречу с директором, — сказал Хайрам. Элизабет вспомнила, как Норбридж упоминал, что профессор Эгиль П. Фаулз, директор Хевенвортской академии, присоединится к ним за ужином. Мистер Фаулз, весьма, если не чрезвычайно, степенный человек, следивший за распорядком своего дня, то и дело сверяясь с часами, был ещё одной причиной, почему Элизабет нравилось в новой школе. В отличие от школы в Дрире, городишке, в котором она жила со своими тётёй Пурди и дядей Бурлапом с четырёх лет и до прошлого Рождества,